

В период с 1982 года по настоящее время состоялось 14 советско-американских телемостов. Ф. Донахью показывает...

Это имя сейчас хорошо известно в нашей стране. Фил Донахью вместе с Владимиром Познером был ведущим советско-американских телемостов.

В НАШУ СТРАНУ Фил Донахью приехал впервые. Он был гостем Гостелерадио СССР. Программа его пятидневного пребывания в нашей стране была согласована заранее. Все его просьбы и пожелания были удовлетворены. Он сам выработал свой план, сам вместе со своими сотрудниками подобрал себе аудиторию. Пожалуй, еще ни один американский журналист не имел такой уникальной возможности провести собственное исследование жизни советских людей.

Ф. Донахью стал первым иностранным журналистом, побывавшим на Чернобыльской АЭС, он посетил воинскую часть в Подмоскowie и побеседовал там с солдатами и офицерами, встретился с участницами телемоста Ленинград-Бостон, снимал на московских и ленинградских улицах, в квартирах, на Птичьем рынке, на катке в ЦПКиО им. Горького, был принят председателем Совета Союза Верховного Совета СССР Л. В. Толкуновым, снял в отведенной ему на Центральном телевидении в Останкино 3-й студии большие передачи - беседы со 100 семейными парами о советской семье, с 400 молодыми людьми, встреченными в школах и прямо на улице, с советскими гражданами еврейской национальности, с реэмигрантами из США и Канады, контактировал с так называемыми "отказниками"...

По признанию самого Ф. Донахью, гласность в Советском Союзе открыла перед ним все двери, он мог побеседовать с каждым, с кем хотел. В наших отношениях друг к другу, сказал Фил журналистам, накопилось слишком много вредных и ошибочных стереотипов. Пора их разрушать. И чем больше я встречаюсь, беседую с советскими людьми, тем невероятнее мне кажется, что мы можем воевать друг с другом.

НАМ ДОВЕЛОСЬ наблюдать, как Фил работает с аудиторией. Внешне спокойный и раскованный, он без раздражения выслушивал критику, терпеливо отвечал на вопросы участников (многие из них считали, что приглашены не на передачу для американцев, а на телемост с ними), хотя время поджимало. Он живо реагировал на сказанное ("Ваш муж все свободное время в гараже со своей машиной? А откуда же у вас трое детей?"; "Вы счастливы в школе? А кто нет?"; "Религия - опиум, уход от проблем? Откуда это известно вам?"), Он слегка, как будто невзначай "наступал на любимую мозоль", чтобы подстегнуть аудиторию, когда она вдруг начинала сникать ("Неужели у вас все так чудесно, прямо как в раю? Американцы никогда не поверят, что вы живете без проблем..."; "Не хочу вас обижать, но вы же не овцы, не может быть, чтобы все думали одинаково!.."; "Уважаю ваш патриотизм, но мне кажется, вы себе очень льстите, многие американцы полагают, что вам не разрешают открыто говорить то, что думаете, давайте докажем ошибочность этого стереотипа.."). А когда молодые люди предложили вдруг спеть всем вместе "We shall overcome", хотя оставались считанные минуты, а на поставленный вопрос еще не был получен ответ, он как ни в чем не бывало сел на пол среди ребят и запел вместе с ними.

Мне очень понравилась советская аудитория. В студии красивые, интеллектуальные лица, живые глаза. Нет скованности, зажима, зримо видно рождение самостоятельной мысли. Фил не мог скрыть удивления, когда молодые люди один за другим отвечали ему на довольно приличном английском. "Сколько же человек здесь говорит по-английски?" - спросил он и, пораженный, только развел руками, когда не менее трети ребят подняли руки.

ОДНАКО, объявив во всеуслышание, что приехал бороться со стереотипами, Фил Донахью сам был от них, как нам кажется, не совсем свободен. Мы попытались высказать ему это во время пресс-конференции здесь же в 3-й студии после записи последней передачи. "В чем же это выразалось?" - удивился Фил. "Да в том, что во всех аудиториях вы предлагали им обсудить темы, которые им были неинтересны, обсуждать которые им не хотелось. Словом, контакт с аудиторией, особенно поначалу, давался с трудом". "Это естественно, - был ответ, - аудиторию, неважно - советскую или американскую, нужно "разогреть", никто не готов сразу же включиться в разговор".

Что ж, наверное, в этом он прав. Только так и осталось непонятным, Фил не принял или не захотел принять вопрос по существу. А суть как раз в том, что, как будто желая узнать побольше о жизни разных слоев советского общества, он усиленно навязывал для дискуссии какие-то странные, "скользкие" вопросы. Нам показалось, что, зная он о советских людях, наших традициях немного больше, учти он их настрой и психологию, он мог бы раскрыть темы куда шире и богаче. А может, ему и не нужно было копать глубже?

Казалось бы, что характеризует жизнь подростка? Видимо, что он читает, с кем дружит, как складываются отношения в семье и школе, что и кого он любит, что отвергает... Ф. Донахью обсуждал с ребятами "запретный" рок (и, кажется, был удивлен, что запретным его никто не считает и американские рок-музыканты известны аудитории), ранний секс (хотя ему сказали и сами ребята, что так открыто и публично у нас не принято обсуждать такие интимные вопросы), отношение к религии.

В другой аудитории перед американским журналистом сидели представители еврейской национальности - писатели, поэты, певица, летчик - испытатель, председатель колхоза, генерал - полковник, всемирно известный ученый, журналист, юрист, подполковник милиции... Поблескивали в свете юпитеров золотые звезды Героев, депутатские значки. Такую интересную аудиторию редко кому когда-либо удавалось собрать. Сколько уникального и любопытного могли бы рассказать все эти люди! А Ф. Донахью добивался от них одного: как это они могут спать спокойно, когда их соплеменников - "отказников" не выпускают из страны, держат "пленниками". И хотя не один раз получил вразумительный и вполне убедительный ответ, упорно продолжал в течение почти двух часов вновь и вновь возвращаться к одному и тому же. Несмотря на явное, растущее недовольство и разочарование участников, он не хотел (или не мог?) отступить от первоначального замысла - столкнуть этих людей с "отказниками", теми, кто во что бы то ни стало хочет порвать с родиной.

На такую встречу было получено согласие. Фил назвал тему "Евреи в СССР. Две точки зрения". Через Фила, который сам поддерживал контакты с "отказниками", им было предложено выбрать свою делегацию и прислать ее в 3-ю студию Останкино, дабы принять участие в диспуте. Но те, как видно не имея достаточно веских аргументов для такого диспута, отказались под каким-то смехотворным предлогом: им, видите ли, мало 25 человек, их группа должна включать не менее сотни, чтобы "представить различные проблемы советского еврейства", а иначе "нет общей базы для дискуссии"...

Пусть они едут, куда хотят, тем более что времена меняются, и есть не 400 тыс. желающих выехать - эта цифра взята западной пропагандой "с потолка", - а в реальности их от силы 8 - 10 тыс., этим и исчерпан вопрос, уверяли собравшиеся в 3-й студии Ф. Донахью, но такой ответ его, видимо, не устраивал, скандала не получалось. Если, конечно, не считать скандальным его явный проигрыш в этом диалоге, который, конечно, будет очевиден и для американского зрителя, как ни монтируй пленку.

Как ни парадоксально может показаться, неудачи Фила огорчали не только его самого, но и нас. Мы искренне желали ему успеха в его интересном и важном начинании. Но, как видно, от него ждут в Америке вполне определенных результатов. Там не принято, как он сам признался советским журналистам, хорошо говорить об СССР. Этого могут не простить. Это - куда больший грех, чем плохо думать и говорить о президенте. И - совершенно очевидно - опасение подставиться под огонь будущей критики очень мешало ему отойти от определенной заданности, проявить полную объективность.

"Нельзя, приехав к вам, - сказал Фил Донахью, - не поразиться вашим успехам, вашему гостеприимству и доброжелательству. Чем лучше мы узнаем друг друга, тем меньше недоразумений будет возникать между нашими странами. В ядерный век необходимо новое мышление". Как бы хотелось, чтобы эти слова, сказанные в Москве, Фил донес до сознания американцев.